А.И. Попович

ВОЙНА И МИР В ПРОПОВЕДЯХ СТЕФАНА ЯВОРСКОГО[1]

В статье исследуются и уточняются представления церковного лидера петровской эпохи Стефана Яворского в наиболее мифологизированный период его жизни (1707–1712). Преимущественно на материале неизученного рукописного проповеднического наследия выявляются особенности авторской провиденциалистской трактовки Северной войны как наказания общества за грехи и аналогичных объяснений отсутствия мира (и победы в войне). В отличие от панегирических текстов, свои обличительные проповеди Яворский наполнял морально-дидактическим содержанием, находя многочисленные примеры нарушения христианских заповедей в России (в основном среди государственной элиты) и призывая слушателей к искоренению греха, покаянию и, по сути, общественному согласию (миру с ближним и Богом). Продемонстрировано, что знаменитая проповедь 1712 года на день св. Алексия, человека Божия, считающаяся кульминацией оппозиционных настроений Стефана Яворского, в основном содержала в себе ранее уже высказывавшиеся автором идеи и лишь подводила некий итог размышлениям проповедника о путях исправления общества.
Ключевые слова: *Стефан Яворский, проповедь, Северная война, мир, общество, обличение.*

Стефан Яворский, митрополит Рязанский и Муромский, фактически возглавлявший российскую церковь в 1700–1722 гг., оставил после себя обширный корпус проповедей[2] – уникальный источник не только для восстановления личных воззрений влиятельного интеллектуала своего времени и характеристики конкретных направлений его деятельности, но и для реконструирования идейной атмосферы эпохи, многослойного общественного мнения, в том числе об общественно-политических процессах. В переходную эпоху проповедничество заняло особое место среди прочих моделей социальной коммуникации[3]. Бóльшая часть проповедей была прочитана Стефаном Яворским в храмах Московского Кремля, как правило, на них присутствовала государственная элита, на которую проповедник, преследуя те или иные цели, стремился воздействовать словом, используя традиционный для учительных жанров арсенал убеждения.

Очень немногие проповеди автора опубликованы, в основном это тексты панегирического содержания, созданные в связи с событиями Северной войны и составившие т.н. «викториальный цикл». Из-за этого

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

[2] Автографы (за редким исключением) проповедей сохранились в коллекции рукописей Синода (329 текстов): РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1592а (л. 1–517), 1592б (л. 518–909), 1592в (л. 910–1382), 1592г (л. 1383–1797). Проповеди Стефана Яворского. 1691–1721 гг. 4º. Скоропись, полуустав. При цитировании текстов по рукописям листы указываются в круглых скобках после цитаты.

[3] Кагарлицкий 2000.

Яворского-проповедника нередко рассматривают исключительно как придворного панегириста[4] и называют схоластом, далеким от современных проблем и не способным быть понятым своими слушателями[5]. В историографии принято отмечать перемену в настроениях митрополита, произошедшую на рубеже 1700–1710-х гг.[6], кульминацией которой стала прозвучавшая довольно однозначно проповедь «О соблюдении заповедей Божиих», произнесенная на день св. Алексия, человека Божия 17 марта 1712 г. в Успенском соборе Кремля. Сенаторы были возмущены излишней прямотой Яворского и сообщили об этом царю. Во вступительной части проповеди он утверждал, что несоблюдение заповедей Божиих является причиной затягивающейся войны и отсутствия «превожделеннаго мира»: «Се имате мзду закона Божия разорители се слышите громы заповѣдей Божии преступницы, того ради не удивляйтеся что много мятежная Россия наша доселѣ в кровныхъ буряхъ волнуется, не удивляйся что по толиких смятенияхъ доселѣ не имамы превожделеннаго мира, миръ есть сокровище неоцѣненное но тии толко симъ сокровищемъ богатятся которыи любятъ законъ Господень»[7].

В.М. Живов, опубликовавший текст по единственному известному списку, специально выполненному сенатскими служащими для царя, отмечал, что в этой проповеди Стефан Яворский «возобновил свои атаки» после неудачного Прутского похода 1711 г. и безуспешной военной кампании в Померании, рассчитывая на «усталость и разочарование» среди элиты – слушателей проповеди[8]. Однако такие исторические актуализации (в данном случае термин В.М. Живова) носили отнюдь не единичный характер и обнаруживаются в более ранних текстах, что позволяет поставить под вопрос предлагаемые в историографии это и другие[9] собственно исторические объяснения обличительной риторики проповедника и уточнить его целеполагание при произнесении проповедей, в которых говорилось о нравственном несовершенстве общества, по мнению Яворского, напрямую мешающего достижению желанного мира.

Концепция войны как наказания общества за грехи

Продолжительная Северная война охватила весь период творчества Стефана Яворского на митрополичьей службе, за исключением последнего года жизни. Несмотря на протестный по отношению к нововведениям Петра I ореол, который окружает личность Яворского, он, дей-

[4] Сморжевских-Смирнова 2013.
[5] Чистович 1867.
[6] Терновский 1879: 310–313.
[7] Цит. в упрощенной графике по: Живов 2004: 271. Последнее слово исправлено согласно предположению публикатора, изложенному в примечании.
[8] Живов 2006: 202. Сенаторы считали, что своей проповедью Яворский рассчитывал поднять народ на мятеж. Об этом пишет царю сам Стефан Яворский: «…пришли ко мнѣ и стали мене бѣднаго обличати, укоряти и претити за то, будто на бунтъ и мятежъ народ возмущаю и будто я царской чести касаюся дерзнословиемъ». Цит. по: Рункевич 1906: 157.
[9] См., например: Šerech 1951.

ствительно, многое сделал для прославления военных побед, а в своих панегирических сочинениях был рупором официальной идеологии. Наряду с другими панегириками петровского времени эти тексты оказывали определенное идеологическое воздействие на общество и отражали государственную (и разделяемую большинством) точку зрения на войну, завершением которой непременно должна была стать победа и сопутствующий ей «превожделенный» мир[10].

Однако наряду с панегирическими текстами Яворский на рубеже 1700–1710-х гг. создал большое число учительных проповедей, затрагивающих проблематику войны и мира в ином ключе. Избегая крайностей в интерпретации этих в основном обличительных текстов и не приписывая Стефану Яворскому паци-фистские или пораженческие взгляды, необходимо разобраться, на какое воздействие на слушателей рассчитывал автор, вкладывая в проповеди далеко не панегирическое, а морально-дидактическое содержание.

Интерпретируя проповедь 1712 г., В.М. Живов отмечал, что «Стефан противопоставляет “порочные законы человеческие” закону Господню и угрожающе предупреждает, что, пока в России разоряется закон Божий, она не получит мира»[11]. То, что идея божественного отмщения была одной из центральных в проповеди, подтверждается тем, что Яворский сам акцентировал на ней внимание, объясняя в письме царю от 21 марта 1712 г., что обличительные пассажи о несоблюдении заповедей как причине бедствий, пришедшиеся на вторую неделю Великого поста[12], предназначались исключительно для устрашения и увещания народа, от греховной жизни которого напрямую зависит «на семъ свѣтѣ благополучие, и въ небѣ животъ вѣчный»: «Отъ сихъ словесъ, у Исаии пророка написанныхъ, кричалъ я къ народу, увѣщевая ихъ, дабы хранили заповѣди Господня, аще хощутъ имѣти и на семъ свѣтѣ благополучие, и въ небѣ животъ вѣчный, устрашая же ихъ отмщениемъ Божиимъ за преступление заповѣдей Своихъ»[13].

В течение нескольких лет, предшествующих произнесению этой проповеди, митрополит не впервые называл войну наказанием грешников. 24 февраля 1708 г. Димитрий Ростовский писал своему другу Яворскому, разделявшему его переживания, скрывая за латинскими выражениями внутренние страхи и взаимно разделяемые объяснения внешних бедствий: «Внѣуду брани, вънутрьуду страхи. Молимся и боимъся, да не преодолѣют грѣхи наши Божиа милосердиа и долготерпениа. Столько злодеяний, столько насилия, столько угнетений взывают к небу и пробуждают гнев и отмщение Божие, но об этом помолчим, воля Господня

[10] Прославление мира нередко составляло содержание панегирических текстов о победах в период Северной войны. Панегирическая литература 1979: 155, 164, 187 и др. О наиболее существенных особенностях военных проповедей того времени см.: Ivanov 2022.
[11] Живов 2004: 127.
[12] О важности этого обстоятельства см. ниже.
[13] Цит. по: Рункевич 1906: 157.

да будет!»[14]. Такое объяснение нельзя назвать необычным: провиденциалистские трактовки войны и прочих бедствий были характерны для древнерусских книжников и столичных проповедников конца XVII в.[15] В то же время чем больше укреплялась государственная идеология, тем меньше у этих идей было шансов стать частью позитивной идеологической повестки[16]. Нежелание Стефана Яворского молчать о по-настоящему волновавших его причинах войны исследователи нередко связывают с ухудшением военной обстановки и поиском на этом фоне возможностей для оппозиции царю[17], но даже победа в Полтавской битве[18], в прославлении которой Стефан Яворский активно участвовал, не поменяла трактовку проповедником причин войны. Ключевой же «мишенью» проповедей, судя по всему, был не столько Петр, сколько общество, особенно высшие круги власти, которые, как митрополит сообщает царю, издавна желали ему зла: «А господа сенаторы, древле ненавидящии мя и ищущии душу мою изъяти, сие лукавое дѣло на мя совѣщаша»[19].

Нужно учитывать, что обличительные интонации Яворского были достаточно типичными и нередко отражали жанровые тенденции, подкрепляемые скорее конкретным типом праздника (или другого события, к которому приурочена проповедь), чем индивидуально-авторскими стратегиями[20]. Состав злодеяний, в которых разные проповедники обличают свою паству, в основном включает одни и те же группы грехов, однако некоторым грехам в авторских проповедях уделяется больше внимания, чем остальным.

В царских палатах Кремля 8 сентября 1711 г. на праздник Рождества Пресвятой Богородицы Стефан Яворский произносил проповедь перед первыми лицами государства, которая, как ни странно, не вызвала того же негодования, что проповедь 1712 г. Отталкиваясь от образа жезла из корня Иессеева (Ис 11:1), проповедник перечисляет различные жезлы, которыми обладает Христос, восхищается царствами, которые управляются «жезлом правости и правды» (впрочем, не приводя конкретные примеры), и критикует общественные нестроения внутри Российского государства, в котором нет этого жезла:

> «О щасливые, о всяким благополучием процветающие царствия, которые сим жезлом Царя небеснаго, жезломъ правости и правды управляются! Но обрящем ли таковъ жезлъ в нашем государствѣ Российском? Возведѣте очеса ваша на пространство сего царствия, вездѣ рыдания, вопли и воздыха-ния, плачи услышите, вездѣ лихоимания, грабления, обиди, и утѣснения убогих увидите, и сие ли то есть жезлъ правости и правды?» (л. 318 об. – 319).

[14] Цит. по: Федотова 2005: 142, прим. Латинские фрагменты переданы по подстрочному переводу.
[15] Богданов 2001: 76–88.
[16] Перевес был за другими концепциями о причинах войны, создававшимися при активном участии государя, см.: Люстров 2012; Пушкарев 2003: 97–99.
[17] Šerech 1951: 55; Живов 2004: 126–127.
[18] Ср.: Brogi Bercoff 2009/2010: 205–212.
[19] Цит. по: Рункевич 1906: 157.
[20] См., например, многочисленные приводимые примеры в работе: Елеонская 1990.

Среди грехов, вопиющих к Богу и требующих иного жезла – жезла наказания, проповедник называет «убийство вольное», «блуд содомский», «лишение мзды дѣлателей» и «озлобление и утѣснение убогихъ»: «Сею четвернею, сими четырьми грѣхами, беззаконие по сем государствѣ ѣздит невозбранно. А найпаче лихоимание, здырства[21], обиди, и всякая неправда в нас губительное имать сѣдалище» (л. 319). Ветхозаветный образ жезла железного (Пс 2:9) будет использован и в проповеди 1712 г.: «О жезла ужаснаго жезлѣ желѣзного – на сокрушение наше уготованного; упасеши я жезломъ желѣзным яко сосуды скудельнича сокрушиши я»[22]. В качестве бесспорного подтверждения своей позиции Яворский ссылается на слова царя Давида, обращаясь к нему с просьбой рассказать, что он видит в России, и используя его слова, сказанные о другом городе (Пс 54:10–11), применительно к Москве:

> «Но аще мнѣ не вѣрите, вопросите Давыда, негли онъ пророческим своим оком дозрѣлъ меж нами правду. Рцы нам, Давыде, что в сем государствѣ, что и в сем градѣ видиши? Отвѣщает онъ: “Видѣхъ беззаконие и прерѣкание въ граде…” О нечестивыи граждане!.. Гдѣ неправда? По лавкам ли? По торжищам ли? По приказам ли? Не сказует именно Давыд. Только во обществѣ глаголетъ: “Посредѣ его неправда”» (л. 319 – 319 об.).

Словосочетание «во обществѣ» в этом контексте подразумевает обобщающий, а не социальный смысл.

Типичный для проповедей Яворского образ «града», в котором живет и сам проповедник, обозначает не просто административно-географическую единицу, столицу государства, но прежде всего людей, в т.ч. различные социальные группы, населяющие ее. Утеснению убогих как следствию злоупотребления властью Стефан Яворский, имевший возможность напрямую обращаться к сенаторам и представителям других институтов власти (приказов, канцелярий и т.д.), уделяет особое внимание. В проповеди на Воскресение Христово (24 апреля 1709 г.) проповедник достаточно резко высказался о правителях-безумцах, которые используют доверенную им власть во вред: «Мнози бо на властяхъ, ~~на приказах~~ обрѣтаются такие безумцы, которые яко безсловесные скоты рогами и неповинных бодут, колют, убиваютъ» (л. 70). Яворский зачеркивает в рукописи словосочетание «на приказах», по-видимому, избегая в этом тексте терминологии, имеющей прямое отношение к государственному аппарату. Далее автор, решив, что этих слов недостаточно, добавляет на полях рукописи фразу:

> «Иному дураку попадется власть, которой онъ на зло употребляет и бѣдных людей мучит и озлобляет. Какъ о таком разумѣти? Свинѣ то приправлено роги, которыми и неповинных убодает» (л. 70). В качестве примеров Яворский называет имена древних правителей, возносивших себя выше Бога: «Такимиж рогами въ высоту возносящимися были оные прегордые Навходоносори, Валтасари, Антиохи, Ироди и прочии тмочисленные, которыи мняху себе быти богами, и многих бѣдных людей избодаху рогами» (л. 70).

[21] Т.е. грабежи – *А.П.*
[22] Цит. в упрощенной графике по: Живов 2004: 271.

За обличениями неправедного использования государственной власти стояли распространенные в отечественном интеллектуальном дискурсе рубежа XVII–XVIII вв. идеи ее предназначении для достижения общего блага, представления о добродетели правителя и пределах власти[23]. Гармоническая модель общества, в котором наступило согласие, представлена в панегирических сочинениях Яворского через образ колесницы, где каждое из четырех колес (властители, воинство, духовенство, простой народ) – это «чин» «царства благочестивого», а в своем единстве они работают не для себя по отдельности, но на пользу всех «чинов» в совокупности, всего государства[24]. Задачу подобного структурирования общества ставили перед собой многие проповедники XVII–XVIII вв.[25] Однако в проповедях Яворского есть и другие метафоры для описания Российского государства и условий, в которые оно помещено. В учительных текстах обличительного характера проповедник сравнивает мир, земное бытие с бушующим и непостоянным морем, его обитателей – с рыбами, поглощающими друг друга, а шумящие волны – с гордыми и нечестными людьми:

> «А что есть миръ сей, въ немже обитаем? Есть морем волнующимся, сие море великое и пространное, тамо гады, имже нѣсть числа… Море есть непостоянно, а в мирѣ сем кто постоянство обрящет? В морѣ рыбы великия малых пожирают, тоеж и в мирѣ дѣется, великомощные маломощных поглощают. В морѣ шумящия волны высоко возносятся, а низко опадают. Тоеж и в мирѣ дѣется. Возносятся шумящие волны гордынею и нечестием своим, а потом такъ низко опадают, что и слѣда их не обрящеши, восходят до небесъ и низ ходят до безнъ» (л. 110–110 об.) (проповедь на Вознесение Господне, 10 мая 1711 г.).

В другой проповеди на наделю девятую по Пятидесятнице (год произнесения неизвестен) Яворский развивает эту образность: «Море есть міръ сей: корабль Церковь Христова, или все общество Христианское, якоже Российское царство въ обще глаголющи, во особности же всяк человѣкъ»[26]. Проповедник приближает фокус от большего корабля к меньшему и говорит, что каждый человек – корабль, который управляется душой в содружестве с памятью, разумом и волей, как бы исследуя микро- и макрокосмос в одних и тех же трагических условиях: «…въ тѣлѣ пловцы суть душа съ товарищи, яже суть память, разумъ, и воля: вѣтры противныи, бури, волны, суть многоразличныи и многообразныи бѣды»[27]. Сторонник взгляда на бедствия как божественное наказание, Стефан Яворский подробно описывает волнения, с которыми сталкиваются «Церковь Христова и все отечество Христианское», пожары, войны и восстания: «…якоже сами явѣ видимъ, нашихъ временъ попущениемъ Божиимъ восташа, и востаютъ многия волны на

[23] См. подробнее: Лаппо-Данилевский 2005; Бугров, Киселев 2016.
[24] См. подробнее: Киселева 2011: 348–359. Ср. также: Попович 2023.
[25] Границы и маркеры 2018: 156–168.
[26] Стефан Яворский 1804–1805, ч. 1: 247–248.
[27] Там же: 248.

всецѣлый корабль Церкве Христовы, и всего отечества Христианскаго, ово огненнии казни, пожжения изрядныхъ домовъ, градовъ, и храмовъ Господнихъ: ово непрестанныя брани, востания иноплеменныхъ»[28].

Эта проповедь Стефана Яворского текстуально перекликается с проповедью Димитрия Ростовского на тот же праздник (Москва, Донской монастырь, 10 августа 1701 г.)[29], что позволяет говорить о требующем дополнительного исследовательского внимания единстве идей этих авторов в публичном поле проповеди и конкретных механизмах подобных заимствований.

Если корабль государства подвержен волнам войн, то корабль церкви находится в опасности из-за еретиков. Неистовый обличитель протестантов и старообрядцев, Стефан Яворский связывал неуспехи на войне с грехами против Бога и Церкви, в особенности с неверием. В Слове на праздник Рождества Пресвятой Богородицы 1711 г. Яворский приводит в пример апостолов, которые не могли изгнать беса из-за своего неверия (Мф 17:14–20) и рассуждает, что по той же причине Россия не может победить своих врагов:

> «Смѣсихомся съ язики незнающими и хулящими Богородицу и навыкаем лукавым дѣлом ихъ, съ человѣки адским ядом поврежденными живем, посредѣ скорпий обитаем и мы тѣмже ядом тайно повреждаемся, с заповѣтреными[30] живем, и тогож душепагубнаго повѣтрия набираемся, тѣмже ослабѣвает в нас вѣра яже къ Богородици, а ослабѣвшей вѣрѣ ослабѣвает и сила на супостаты» (л. 321).

Военную силу, таким образом, Яворский ставит в прямую зависимость от силы веры.

Напоминая слушателям судьбу других царств, городов (Вавилона, Ниневии, Трои, Афин) и монархий (ассирийской, персидской, греческой и римской), закончивших свое существование из-за неправедной жизни, Яворский озвучивает свои опасения за судьбу Российского государства: «Мы убо что видим на иных царствиях, тогож и сами боимося» (л. 319 об.). Среди угрожающих предзнаменований Яворский называет моровое поветрие в Малороссии и войну, длящуюся на тот момент двенадцатый год: «А чтож речем о войнѣ уже дванадесятолѣтным кроворазлиянием, еще доселѣ ярящейся?» (л. 320). А в проповеди на день митрополита Петра (рубеж 1700–1710-х гг.)[31] Яворский создает безрадостную картину ярости Божией, обрушившейся на «бесовские плевелы» внутри страны:

> «…внутрь уду смятение и молва, внѣ уду страх и трепет, внутрь уду огнь и пожаръ так частый, внѣ уду война, бездождие, наводнение, суши, глади, безплодствия земная, и прочая премногая утѣснения. Но откуду сия? Плевели бѣсовские, плевели, вы то вы на все царство праведно движимыя ярости Божия серпъ изощряесте» (л. 980).

[28] Там же.
[29] Шляпкин 1891: 287.
[30] Т.е. зараженными – *А.П.*
[31] См. подробнее: Попович 2024.

Яркие демонические образы Яворский создает и в проповеди на день Николая Чудотворца (6 декабря 1708 г.), по какой-то причине оставшейся непроизнесенной. Обличая грешников, подобных египтянам, побежденным адским фараоном и напрасно желающих быть победителями, Николами, он актуализировал темы соблюдения российским обществом закона Божия и отсутствия у него страха Божьего: «А что суть здырцы[32], лакомцы, хищницы кровь людей убогих истачающии, снѣдающии люди вмѣсто хлѣба? Что суть иныи беззаконницы, Бога, страх Божий и законъ Его святый забывающии? Египтяне то суть… О египтяне, и вы ли хощете быти Николами, то есть побѣдителями? И вы ли хощете враговъ победити сами побѣждени суще адскимъ фараоном? И вы ли хощете врагов плѣнити, сами в плѣни и работѣ диявольской пребывающе? Для вас то, для вас, египтяне мерзкии, не дает Господь Богъ побѣди, ваше то сердечное окаменение изощряет мечъ ярости Божия» (л. 944–944 об.).

Таким образом, отсутствие победы, а следовательно, и «превожделеннаго мира» Яворский напрямую связывает с существованием в обществе «бесовских плевел» и «египтян», на которых устремился меч Божий (в других вариантах жезл и т.д.). Было бы, однако, неверно интерпретировать эти рассуждения проповедника как единичные обличения конкретных грешников. Пафос его проповедей распространяется на каждого слушателя, хоть в малом предпочетшего мирской Вавилон небесному Иерусалиму, а все отдельные грехи, обличаемые Яворским, становятся деталями общей картины падения нравов, наблюдаемой проповедником прежде всего в высших кругах власти.

Исправление общества и достижение мира

Объясняя отсутствие военных успехов и перспектив завершения войны наказанием за грехи, автор в первую очередь взывает к религиозному чувству своей паствы. Призывая голубицу с масличной ветвью, Яворский возносит внутри своих проповедей молитвы о завершении кровавого потопа и, например, цитирует в проповеди на Вербное воскресенье (6 апреля 1707 г.) ирмос песни 6 гласа 1 Воскресного канона:

> «Тѣмже убо оная вѣтвь масличная бяше знаменением мира, знамением умаления гнѣва Божия. О превожделѣнная всие о желаемая мира благовѣстнице, когда въ очесах наших возсияеши! Се потопъ кровный потопъ слезный уже от седми лѣтъ в нашей России волнуется, буря страшная гнѣва Божия в малѣ нас не потопляет, мыже в корабли Церкви Христовой отвсюду обуреваеми жалосным пѣниемъ воспѣваемъ: “Обыйде нас послѣдняя бездна, нѣсть избавляяй, въмѣнихомся яко овцы на заколение”» (л. 1247).

Подобные молитвы о мире – голубице с масличной ветвью – звучали и в других проповедях Яворского. Голубь был одним из библейских образов Святого Духа, поэтому именно его в Слове в неделю Пятидесятницы (дата произнесения неизвестна) призывал проповедник в укрощение бури, в которую попал корабль Российский: «Ты намъ бу-

[32] Т.е. грабители – *А.П.*

ди, Душе Святый, такимъ голубемъ, мира и тишины благовѣстникомъ: ты съ такою вѣтвию прилети въ корабль Ноя нашего Российскаго: ты укрочаеши и волны: ты повели бури, да станетъ въ тишину, и да умолкнутъ волны ея»[33]. Молить о мире в отечестве Стефан Яворский просил Александра Невского, «сродником и наследником» которого является Петр I: «Ты облеченъ еси во облакъ: сохраняй убо от всякихъ противныхъ вѣтровъ, моли о благорастворении воздуховъ въ твоемъ отечествѣ: имаши на главѣ твоей дугу знамения мира, моли убо о мирѣ во отечествѣ твоемъ: даждь миръ Сроднику и Наслѣднику и Преемнику престола твоего, твоимъ нравамъ подражающему…»[34].

На одну из таких проповедей с молитвой о завершении войны и наступлении мира обратил внимание Петр I в письме Ф.М. Апраксину от 8 января 1707 г.: «Поздравляю вамъ новымъ годомъ; дай, Боже, чтобъ о семъ годѣ пророчество Яворского збылось»[35].

Молитвы об ограждении Российского государства миром постоянно звучали в панегирических словах, прославляющих военные победы:

> «О которомъ благополучии благодаряще мы сынове Российстии Господа, Церковь святую долженствуемъ непрестанно молити, да сохранитъ тя Государя нашего цѣла, и покоритъ всю силу вражию льва, разширитъ Государство, и миромъ оградитъ на вѣки»[36] («Слово о побѣдѣ надъ Королемъ Шведскимъ под Полтавою, 1709 г.); «Великороссийскую же державу твою, царство твое наипаче просвѣтиши и прославиши побѣдами и торжествами, и миромъ аки лучами оградиши»[37] («Слово благодарственное о взятии Шведскаго града глаголемаго Выборг», 1710 г.); «Ты убо, деснице Христова, Петру своему простираема, даруй ему множество лѣтъ мирныхъ, даруй богатство, а паче некрадомое вѣчное на небеси»[38] («Рука Христова, Петру простираемая», 14 июля 1709 г.).

30 октября 1710 г. Стефан Яворский писал царю из Рязани об известии о взятии Ревеля (совр. Таллинн) и ожидании мира: «Даждь Богъ воскорѣ благовѣстие слышати и о превожделѣнномъ мирѣ, и уповаемъ на Бога, Который возмущение волнъ морскихъ укрочаетъ, яко Онъ же повели вѣтромъ шумящимъ и бури, и будетъ тишина велия»[39]. Комментируя этот фрагмент письма, М. Сморжевских-Смирнова несправедливо говорит о том, что Яворский в 1710 г. корректирует собственные представления и вслед за государем начинает ожидать мира: «И теперь даже война в представлении митрополита Стефана из борьбы с апокалипсическими силами и торжеством истинной веры над ними, трансформируется в морскую бурю, которую следует поскорей укротить»[40].

---

[33] Стефан Яворский 1804–1805, ч. 1: 167–168.
[34] Там же, ч. 2: 306.
[35] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 5: 14.
[36] Стефан Яворский 1804–1805, ч. 3: 249.
[37] Там же: 257–258.
[38] Певницкий 1875, май: 505.
[39] Цит. по: Рункевич 1906: 150.
[40] Сморжевских-Смирнова 2013: 144.

В действительности, ожидание мира и образность морской бури были характерны для Стефана Яворского (как и для Петра) и раньше, в том числе и в панегирических словах, в которых милитаристская риторика, хотя и была достаточно сильна, нередко уступала место ценностям иного порядка.

Что при этом вкладывал в понятие «мир» Стефан Яворский?

В проповеди на Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, произнесенной 23 июня 1709 г., автор рассуждает о его двояком значении (будучи при этом в своих текстах не системен в написании гласных в двух семантически различных словах): «Здѣже разсудити предлежитъ, яко сие слово міръ двоякое имѣет разумѣние. Первое. Миръ знаменует свѣт сей и людей на свѣтѣ живущихъ… Другое. Миръ знаменует тишину и покой…» (л. 568 об.). Тишина, покой и безмятежие – вот ценности, которые Яворский поставит на первый ряд в проповеди 1721 г. после завершения Северной войны:

> «О дарование небесное! О неизреченная сердецъ человѣческих сладосте! И кое может быти дражайшее сокровище паче мира? Кая большая радость и веселие, паче тишини и безмятежия? А что есть міръ? Міръ есть часть онаго живота вѣчнаго небеснаго, идеже нѣсть мятежа ни молвы, только едина тишина превелия»[41].

В проповеди 1709 г. прославляя мир сходным образом, Яворский называет его плодоносным летом и противопоставляет зиме войны, несущей увядание и опустошение:

> «Миръ подобенъ есть лѣту. Брань подобна есть зимѣ. Якоже убо зима всио погубляетъ, всио пустошитъ. А лѣто всио возвращает, всио проращает, и умножает. Такъ и брань, война по подобию зимы лютой, всио пустошит, всио погубляет, всио увядениемъ и лютостию поядает. А миръ въпреки творитъ…» (л. 569 об.).

Характерно, что проповедник не только обличал нравственное состояние общества, но и, как правило, предлагал конкретные шаги по достижению мира. В той же проповеди Яворский перечисляет три условия («троякое уготование») для наступления мира. Во-первых, автор истолковывает евангельскую цитату «Миръ дому сему: и аще убо будетъ ту сынъ мира, почиетъ на немъ миръ вашъ» (Лк 10:5–6) и говорит, что чтобы быть сыном мира необходимо хранить закон Божий и иметь мир с Богом и ближним: «А кто не престает согрѣшати, кто бунтуется на Бога законопреступствомъ и возносит на высоту рогъ свой, той нѣсть сыномъ мира <…> Съ ближним имѣет миръ той, который ближняго своего не обидит, не похищает яже суть его, не утѣсняет, не озлобляет, не биетъ, не ругает, не лицемѣрствует» (л. 570 об.). Объединяя ценности согласия между людьми с соблюдением закона Божьего, Яворский называет те грехи, о которых постоянно говорит в других проповедях, и возвращается к библейскому образу рога, символизирующего как бунтовщиков против церкви, так и тех, кто обижает ближнего.

[41] Цит. по: Попович 2023: 115–116.

Вторым условием мира проповедник, опираясь на Псалтырь (Пс 84:11, 71:7), называет нерушимый союз мира и правды, понимаемой им как христианская справедливость и неложная истина:

> «О сынове человѣчестии, доколѣ тяжкосердии вскую любите суетная и ищете лжи, неправду руки ваша соплѣтают. И како можем восприяти миръ, не имущи правды. Правды надобѣ кто хощет мир имѣти. Двоица сия совокупно и нераздѣльно ходит. Правда и миръ облобизистѣся. Аще убо восияет во днехъ наших правда, то восияет и множество мира» (л. 571).

В этой проповеди Яворский также обращается к словам царя Давида (Пс 54:10–11): «Хотѣлъ я в сем градѣ поискати правды, аж мнѣ псаломникъ глаголетъ: “Видѣхъ беззаконие и прерѣкание въ градѣ, днем и нощию обыйдет и по стѣнам его беззаконие и труд посредѣ его и неправда”» (л. 571). Для того чтобы усилить обличительную линию, он продолжает это рассуждение на полях рукописи и перечисляет конкретные типы столичных учреждений, ни в одном из которых невозможно найти правду: «Коли бѣ ту пойшол по приказам, по купецким лавкам, по канцеляриям и прочая, о не вѣм аще бы знайшол правду» (л. 571).

Невозможность восприятия мира без правды будет сформулирована и в проповеди 1712 г. на день св. Алексия, человека Божия: «А кто законъ Божий разоряетъ от того мир далече отстоит – гдѣ правда тамъ и миръ, правда и миръ дѣло то изочтеся, а гдѣ нѣсть правды там мира не надейся»[42]. Понятия «правда» и «истина» Стефан Яворский использует как синонимы, озвучивая эту же мысль несколько иначе в проповеди 1708 г. на день Николая Чудотворца и удивляясь желанию иметь мир, не имея правды: «Там милость Божия идеже истинна. Милость и истинна стрѣтихтася. Хощем всѣ и желаем от всего сердца нашего мира, и не имѣем правды. Слушайтеж, где миръ живет. Тамо мир пребывает идеже правда, правда и мир облобизастѣся… То дивно что мы хощемъ имѣти миръ, и желаем всѣмъ усердием мира, в сих кровныхъ треволнениях, а не имѣем правды» (л. 945 об.).

Третьим «уготованием» мира проповедник называет искоренение греховного обычая из сердец, подобно тому, как Ноева голубица смогла вернуться в ковчег, когда в нем уже не было ворона: «Искоренити грѣховный обычай из сердец наших. Вещь разсуждения достойная… Для чего такъ? Не можаше ли вранъ съ голубицею вмѣстити и совокупно быти? А прежде съ собою такъ долго в ковчезѣ пребывали. Слышателие, пребывали съ собою вранъ и голубица, покамѣст голубица не принесла вѣтвь масличный знамение мира» (л. 571). Яворский, подчеркивает, что, ожидая мир, необходимо прогнать «из сердечнаго ковчега нашего врана богомерзкаго» (л. 571–571 об.). Не случайно в проповеди «Тесный и прискорбный путь ищущимъ Христа», говорившейся в одно из воскресений Великого поста в 1708 г., Стефан Яворский призывает слушателей к покаянию «в нынѣшнее лютое время»: «Слышачи от

[42] Цит. в упрощенной графике по: Живов 2004: 271.

Евангелия, от Апостола и от иных книгъ богодухновенных увѣщательная словеса, обѣщание будущих благъ имѣюще, не каемся, а найпаче в нынѣшнее лютое время, егда явственный гнѣвъ Божий, изощренныя окамением сердецъ наших стрѣлы на насъ напрязает» (л. 1220). Учительный пафос проповеди лучше всего иллюстрируется ее завершением – словами распятого Христа (Лк 23:34), к которым в своей скорби за паству присоединяется и сам проповедник: «Отче, отпусти им, не вѣдают бо что творят» (л. 1220).

На дни Четыредесятницы Стефан Яворский возлагал особые надежды и в других проповедях. Так, 4 февраля 1711 г. в Неделю о блудном сыне он предполагал (проповедь осталась непроизнесенной) говорить в Рязани слово о покаянии в преддверии Великого поста – времени покаяния и спасения: «Прийдѣмъ въ чувство, любимицы, прийдѣмъ в чувство. Покаймося от злобъ наших. Се нынѣ грядет время покаяния, время благоприятно, дние спасения четыридесятница святая» (л. 1077). Перед этим проповедник в напоминание перечислял три горя, пришедшие в Россию, – войну, моровое поветрие и угрозу голода из-за неурожая: «Горе первое от войны такъ продолженной, и надежды окончания неимущей. Горе второе от повѣтрия и людскаго и скотскаго. Горе третее от глада, которым нас устрашают нынѣшние недороди, и скудость немала» (л. 1076 об.).

Другим значимым фактором исправления грешников наряду с внутренней работой человека (молитвой и исповедью) для Яворского является труд пастыря (прежде всего проповедничество). В 1708 г. в проповеди на день митрополита Петра он говорит слушателям о тяжести своего труда и возможности наказания за гибель своей паствы, если он решит умолчать о ее грехах: «Се слышите, любимицы, коль страшное прещение нам слова Божия проповѣдником, стражемъ дому Израилева, аще умолчимъ, крови сыновъ погибелныхъ на нас взыщет Господь Богъ, аще не станем гласити» (л. 972). Пользуясь возможностью не молчать о грехах своих слушателей, в этой проповеди Яворский по порядку обличал некающихся грешников, гордых властолюбцев, прелюбодеев, убийц и самовольцев, которые «страха Божия неимущии, закону Божию и гражданскому неподлежащии, броздами и уздою наказания невостягненни вся по своей волѣ и хотѣнию творящии» (л. 972 об.). Неподсудность божественному и гражданскому суду далее иллюстрируется проповедником практикой неправедных разводов и осквернения тем самым супружеского ложа. Частное обличение вновь встраивается Яворским в общий взгляд на неправедно живущее общество, о грехах которого должен постоянно говорить на проповеди пастырь.

Конструируя собственный образ проповедника, Яворский ориентировался прежде всего на Иоанна Златоуста. В предисловии (1709 г.) к «Беседам на 14 посланий апостола Павла» Яворский развивает идеи своих проповедей этого периода и много рассуждает о пастырских обя-

занностях, подчеркивая чрезвычайную роль проповедника в спасении паствы, насаждении среди «винограда Христова» добродетелей и благочестия и искоренения всякого злонравия и беззакония: «О съ коликимъ прилѣжаниемъ, съ коликими трудами искореняше ереси, насаждаше же благочестие, исторгаше гордость, насаждаше же смирение: разрушаше ненависть и зависть, насаждаше же братолюбие. Расточаше лихоимание и лакомство, насаждаше же правду и щедролюбие: разрушаше всякия нечистоты, насаждаше же цѣломудрие: исторгаше пиянство и чревобѣсие, насаждаше же воздержание. Кратко рещи: всякое беззаконие, всякое злонравие, аки нѣкое всегубительство потребляше, искореняше, и вонъ из винограда Христова изметаше. Всякую же благостыню, всякую добродѣтель, законъ и страхъ Божий в сердцахъ развращенных насаждаше, вкореняше, углубляше струями златоточных учений своиъ напаяяй неоскудно»[43]. В этом пассаже представлены едва ли не все возможные семантические пары христианских добродетелей и пороков.

Стефан Яворский подчеркивал, что Златоуст не боялся обличать сильных, очевидно, беря его за образец, когда произносил проповеди с сомнительным для высокопоставленных слушателей содержанием: «Не точию же не стыдяшеся, но ниже бояшеся, обличающъ сильныя, державныя, крѣпкия, аки вторый Иоанн Предтеча…»[44]. Проповедник настаивает, что, критикуя властителей, он желает им блага и сетует на то, что, когда удается сказать правду властителям, те гневаются на него: «Сице начальницы и великии господа прибѣгают къ слушанию проповѣди: егда же бываютъ уловляемы отистины, абие съ великимъ воплемъ и гнѣвомъ отходятъ, на проповѣдающаго весьма нелѣпая приглаголющи»[45] (Слово в неделю 21 по Пятидесятнице, дата произнесения неизвестна). Собственное целеполагание проповедника хорошо объясняется и в его рассуждении о вредном и благотворном обличении в «Увещании» Григорию Талицкому (1701), называвшему Петра антихристом[46] и, по мысли митрополита, желавшему уподобиться древним обличителям: «Они обличаху царей о истинѣ, ты же вся лжеши, отъ отца лжи наученъ и надученъ; они обличаху съ кротостию, ты же ярость диавольскую отрыгнулъ еси; они обличаху, не возмущающе народъ на толикия кроворазлияния; они обличаху, хотяще блага обличаемымъ, ты же хотѣлъ еси всѣхъ лютыхъ золъ и смерти…»[47]. В своих проповедях Стефан так или иначе выбирает ту обличительную стратегию, которая, по его мнению, принесет государству и обществу пользу, а не вред.

Несмотря на подробно обоснованную Яворским трудность осуществления всех трех «уготований» мира, проповедь на Сретение Владимирской иконы Богородицы завершалась предсказанием скорейшего

[43] Стефан Яворский, ч. 3: 136.
[44] Там же: 130.
[45] Стефан Яворский, ч. 2: 136.
[46] О контексте распространения идей Талицкого, см. Акельев 2022.
[47] Цит. по: Введенский 1912: 915.

его наступления, молитвой о нем, возносимой к Богоматери: «Да будет нам превожделѣнное мира и тишины знамение нынѣ и присно и вѣ вѣки вѣковъ» (л. 571 об.). Двумя годами позже, накануне Прутского похода Яворский вспоминал эту и другую проповедь (на Тихвинскую икону Богородицы, 26 июня 1709 г.), напрямую связывая их с победой в битве под Полтавой: «…во время оной преславной виктории Полтавской былъ ту у насъ ходъ и особливое набоженство въ день Срѣтенской Богородицы, 23 дня июня; тогда на казании гласил, яко грядущая къ намъ изъ Владимира Богородица, яко голубица Ноева, несетъ къ намъ вѣтвь масличную побѣдоносную. Потом спустя три дни июния 26-го было также у насъ особливое набоженство къ Богородицѣ, нарицаемой Тихвинской: ту я снова гласилъ на казани о теплом предстательствѣ и заступлении Богородичномъ за насъ къ Сыну своему. Ажъ смотрите, – на завтрее по Тихвинской Богородицѣ июния 27-го и преславная сталася побѣда. То – то есть полагати на Бога, а по Бозѣ на Богородицу надежду и упование!»[48] («Моисей Российский», 25 февраля 1711 г.).

***

Идейно пестрое и многоликое проповедническое творчество Стефана Яворского практически невозможно подвести к единому знаменателю, исследуя отношение автора к тем или иным проблемам. Известный благодаря изданиям XIX в. как верноподданный панегирист, почему-то взбунтовавшийся в 1712 г., Яворский в наиболее свойственных для себя поджанрах учительного слова, представленных малоизученным рукописным наследием, всегда был непримиримым обличителем безнравственности, властолюбия, маловерия, лицемерия, ересей, угнетения бедных и других грехов и пороков той части российского общества, к которой он обращался с проповеднической кафедры.

Такие кризисные явления, как затянувшаяся Северная война, которой нередко сопутствовали эпидемии, пожары и неурожаи, традиционно трактовались церковными деятелями как наказание за грехи. Однако обличительная стратегия, избранная Стефаном Яворским, была представлена не только абстрактными и «трафаретными» заявлениями, но допускала готовность к «златоустовскому» конфликту с государственной элитой. Часто не сдерживая себя в выражениях и недвусмысленно критикуя в своих проповедях пороки, распространявшиеся прежде всего среди представителей светской власти, Яворский, особенно в текстах 1707–1712 гг., постоянно рассуждал о том, что именно из-за них не может наступить ожидаемый мир (а вместе с ним и победа) в войне. Воспевая мир как вневременную ценность для всего отечества, Яворский озвучивал идеи нравственно-религиозного исправления своей паствы, призывал ее каяться в грехах, иметь правду и жить в мире с ближним и Богом – своего рода солидаризации, достижения согласия в обществе, плывущем в обуреваемом морскими волнами корабле.

[48] Певницкий 1875, октябрь: 132–133.

Индивидуальное благочестие проповедник напрямую соотносил с общественным благополучием и уделял «волнениям» человеческой души не меньшее внимание, чем бедствиям, охватившим общество, рассматривая отдельного человека как источник зла или, наоборот, благополучия всего государства: за грехи «злых плевелов», по мысли автора, страдает и «добрая пшеница», в то же время желая сберечь пшеницу, Бог иногда не трогает и плевелы[49]. Не стоит при этом преувеличивать пессимизм Яворского: каждая из его обличительных проповедей завершалась молитвами к Богу и Богородице о мире в широком смысле этого слова. За этим стояли присущие проповеднику надежда на собственный ресурс убеждения и силу сакрального учительного слова в исправлении паствы, а также упование на милость Бога, способного навести в России чаемый порядок, который при этом соответствовал бы собственным представлениям Яворского об «общем благе».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Акельев Е.В. Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов «московитов». М.: Новое лит. обозрение, 2022 [Akel'ev E.V. Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat' millionov «moskovitov». Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022].

Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: Ин-т российской истории РАН, 2001 [Bogdanov A.P. Moskovskaya publitsistika poslednei chetverti XVII veka. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, 2001].

Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та: Университет. изд-во, 2016 [Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel'. Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII v. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Universitetskoe izdatel'stvo, 2016]

Введенский С.Н. К биографии митрополита Стефана Яворского // Христианское чтение. 1912. № 7–8. С. 892–919. [Vvedenskii S.N. K biografii mitropolita Stefana Yavorskogo // Khristianskoe chtenie. 1912. No. 7–8. P. 892–919.].

Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетейя, 2018 [Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya / ed. by D.A. Redin. St Petersburg, Aleteiya, 2018].

Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990 [Eleonskaya A.S. Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII veka. Moscow, Nauka, 1990].

Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 360 с. [Zhivov V.M. Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniya i materialy. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 360 p.].

Живов В.М. Стратегии пророчества: проповедь Стефана Яворского на память Алексея Человека Божия // Стих, язык, поэзия: памяти М.Л. Гаспарова. М.: РГГУ, 2006. С. 201–210. [Zhivov V.M. Strategii prorochestva: propoved' Stefana Yavorskogo na pamyat' Alekseya Cheloveka Bozhiya // Stikh, yazyk, poeziya: pamyati M.L. Gasparova. Moscow, RGGU, 2006. P. 201–210].

Кагарлицкий Ю.В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Древлехранилище, 2000. С. 243–258. [Kagarlitskii Yu.V. Propoved' kak istochnik po istorii russkoi slovesnoi i intellektual'noi kul'tury XVIII v. // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. Moscow, Drevlekhranilishche, 2000. P. 243–258.].

Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с. [Kiseleva M.S. Intellektual'nyi vybor Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala

[49] См.: Попович 2024.

XVIII veka: ot drevnerusskoi knizhnosti k evropeiskoi uchenosti. Moscow, Progress-Traditsiya, 2011. 472 p.].

Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Предисл. М.Ю. Сорокиной; подг. текста М.Ю. Сорокиной при участии К.Ю. Лаппо-Данилевского. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2005. XXXII [Lappo-Danilevskii A.S. Istoriya politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom razvitiya ee kul'tury i politiki / pref. by M.Yu. Sorokina; ed. by M.Yu. Sorokina, K.Yu. Lappo-Danilevskii. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2005. XXXII].

Люстров М.Ю. Война и культура: русско-шведские литературные параллели эпохи Северной войны. М.: РГГУ, 2012. 329 с. [Lyustrov M.Yu. Voina i kul'tura: russko-shvedskie literaturnye paralleli epokhi Severnoi voiny. Moscow, RGGU, 2012].

Панегирическая литература петровского времени / изд. подг. В.П. Гребенюк; под ред. О.А. Державиной. М.: Наука, 1979 [Panegiricheskaya literatura petrovskogo vremeni / comp. by V.P. Grebenyuk; ed. by O.A. Derzhavina. Moscow, Nauka, 1979].

[Певницкий В.] Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского // Труды Киевской духовной академии. 1875. Май. С. 486–505. Октябрь. С. 124–145. [[Pevnitskii V.] Slova Stefana Yavorskogo, mitropolita ryazanskogo i muromskogo // Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii. 1875. Mai. P. 486–505. Oktyabr'. P. 124–145.].

Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. СПб.: Гос. тип., 1907. Т. 5 (январь-июнь 1707) [Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo: v 13 t. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipogrfiya, 1907. Vol. 5 (yanvar'-iyun' 1707)].

Попович А.И. Смерть и жизнь «на общую пользу» в Петровскую эпоху: две проповеди Стефана Яворского // Герменевтика древнерусской литературы. 2023. Сб. 22. С. 83–138. [Popovich A.I. Smert' i zhizn' “na obshchuyu pol'zu” v Petrovskuyu epokhu: dve propovedi Stefana Yavorskogo // Germenevtika drevnerusskoi literatury. 2023. Vol. 22. P. 83–138].

Попович А.И. Проповеди митрополита Стефана (Яворского) на дни российских святителей Петра и Алексия: исследование и публикация // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 1. (В печати.) [Popovich A.I. Propovedi mitropolita Stefana (Yavorskogo) na dni rossiiskikh svyatitelei Petra i Aleksiya: issledovanie i publikatsiya // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. 2024. No. 1. (In print.)].

Пушкарев Л.Н. Идеи мира в русской общественной мысли (XVII – первая половина XVIII в.) // Миротворчество в России. Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М.: Наука, 2003. С. 85–102. [Pushkarev L.N. Idei mira v russkoi obshchestvennoi mysli (XVII – pervaya polovina XVIII v.) // Mirotvorchestvo v Rossii. Tserkov', politiki, mysliteli. Ot rannego srednevekov'ya do rubezha XIX–XX stoletii. Moscow, Nauka, 2003. P. 85–102.].

Рункевич С.Г. Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. Вып. 1. СПб.: Тип. Монтвида, 1906. IV, 194 с. [Runkevich S.G. Arkhierei petrovskoi epokhi v ikh perepiske s Petrom Velikim. Vyp. 1. St Petersburg, Tipogrfiya Montvida, 1906. IV, 194 p.].

Сморжевских-Смирнова М. Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике Петровской эпохи. Tallinn: Tallinn Univ. Press, 2013 [Smorzhevskikh-Smirnova M. Ingermanlandiya, Estlyandiya i Liflyandiya v tserkovnom panegirike Petrovskoi epokhi. Tallinn, Tallinn Univ. Press, 2013].

Стефан Яворский. Проповеди: [в 3 ч.]. М.: Синод. тип., 1804–1805. [Stefan Yavorskii. Propovedi: [in 3 parts]. Moscow, Sinodal'naya tipogrfiya, 1804–1805.].

Терновский Ф.А. Очерки из истории русской иерархии в XVIII веке. Стефан Яворский // Древняя и новая Россия. 1879. Сб. 5, № 8. С. 305–320. [Ternovskii F.A. Ocherki iz istorii russkoi ierarkhii v XVIII veke. Stefan Yavorskii // Drevnyaya i novaya Rossiya. 1879. Vol. 5, No. 8. P. 305–320.].

Федотова М.А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2005 [Fedotova M.A. Epistolyarnoe nasledie Dimitriya Rostovskogo. Issledovanie i teksty. Moscow, Indrik, 2005].

Чистович И.А. Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1867. [Chistovich I.A. Neizdannye propovedi Stefana Yavorskogo. St Petersburg, Tipogrfiya Departamenta udelov, 1867].

Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншель, 1891 [Shlyapkin I.A. Sv. Dimitrii Rostovskii i ego vremya (1651–1709 g.). St Petersburg, Tipografiya i khromolitogrfiya A. Transhel', 1891].

Brogi Bercoff G. Poltava: A Turning Point in the History of Preaching // Harvard Ukrainian Studies. 2009/2010. Vol. 31, № 1/4 (Poltava 1709: The Battle and the Myth). P. 205–226.

Ivanov A. David and Goliaths: Image of the Enemy in Ealy Imperial Russian Military Sermons // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 56. 2022. № 1. P. 1–32.

Šerech Ju. Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideologies in the Age of Peter I // The Slavonic and East European Review. Vol. 30. 1951. № 74. P. 40–62.

Попович Алексей Игоревич, *младший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археографии, ассистент, кафедра русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет; alexeypopowich@mail.ru*

War and Peace in Sermons of Stefan Yavorsky

The article examines the ideas of the Stefan Yavorsky, church leader of the Petrine era, in the most mythologized period of his life (1707–1712). The study reveals, mainly on the material of the unstudied manuscript preaching heritage, the features of the author's providential interpretation of the Great Northern War as a punishment of society for sins and similar explanations for the lack of peace and victory. Unlike panegyric texts, Yavorsky's accusatory sermons are filled with moral and didactic content. The preacher found numerous examples of violation of Christian commandments in Russia (mainly among the state elite) and called on listeners to eradicate sin, repentance and, in fact, social harmony (peace with neighbor and God). It is demonstrated that the famous sermon of 1712 on the day of St Alexius of Rome which is considered the culmination of Stefan Yavorsky's oppositional moods, mainly contained the ideas he had previously expressed and only summed up the preacher's reflections on ways to improve society.

Key words: *Stefan Yavorsky, sermon, Great Northern War, peace, society, denunciation.*

Alexey Popovich, *Junior Researcher of the Laboratory for the Study of Primary Sources; Assistant of the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University; alexeypopowich@mail.ru*